

М. А. ШИШКИН

АКАДЕМИК Ю.А. ОРЛОВ И НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН

Неопубликованные документы из личного архива академика Ю.А. Орлова позволяют проследить перипетии многолетней борьбы Палеонтологического института АН СССР за право оставаться в ряду биологических учреждений союзной Академии наук – вопреки попыткам перевести его административным путем в состав Отделения геолого-географических наук. Этот шаг означал бы пересмотр исследовательской программы института в пользу прикладных задач и разрушение наиболее фундаментальных направлений его деятельности, связанных с развитием теоретической и эволюционной биологии в нашей стране. Необходимость отвести эту опасность, впервые возникшую для института в военные годы, встала со всей остротой уже перед его первым директором академиком А.А. Борисяком и вскоре легла на плечи сменившего его на этом посту Орлова. Последний был вынужден противостоять угрозе фактической переориентации института вплоть до 1960 г., когда вопрос наконец был снят с повестки дня. Таким образом, Орлову пришлось непрерывно заниматься этой проблемой на протяжении большей части своего директорского срока.

История Академии наук СССР в первые послевоенные десятилетия еще ждет своего исследователя. Ее важнейшую часть составляют, конечно, движение научной мысли того времени и появление новых направлений и открытий. Но этим ее содержание далеко не исчерпывается. Сам характер проблем, возникавших в жизни Академии, и механизмы принятия организационных решений часто дают наглядное представление об условиях, в которых тогда работало и вело исследования главное научное учреждение страны.

Руководство Академии и ее подразделений, включая директоров институтов, будучи тесно связанным с партийно-государственными инстанциями, неизбежно должно было чутко реагировать на все, исходящее «сверху». Это могли быть и сигналы к разносным идеологическим кампаниям, вроде той, что вылилась в уничтожение морганистской генетики в нашей стране в середине 40-х гг. Но часто и более обыденные, но не слишком компетентные «руководящие рекомендации» могли таить в себе угрозу для нормального функционирования Академии, нарушая естественное распределение задач внутри нее. Одновременно они открывали простор для чьих-то личных или групповых амбиций – благо появлялась возможность выдать последние за заботу о государственных интересах. Неудивительно, что такие веяния с вышестоящих этажей власти нередко инициировались заинтересованными руководителями в самой же Академии. Такое положение дел было предметом постоянных тревог для многих директоров академических институтов, озабоченных тем, чтобы вовремя разглядеть подводные камни и уберечь от бессмысленных потрясений руководимые ими научные коллективы.

В этом плане, если говорить о естественных науках, вполне типична и история Палеонтологического института (ПИН) АН СССР в 40–60-е гг., – т.е. в период,

когда им руководил Юрий Александрович Орлов. Громкие события в отечественной биологии того времени не оставили этот институт в стороне, и его директору, как и многим тогда, также пришлось оправдываться перед обвинениями в вейсманнстско-морганистской «ереси». Это, однако, сюжет для отдельного повествования. Мы же хотим рассказать о другом – о борьбе за само существование отечественной палеонтологии в составе биологических наук, которую Ю.А. Орлову пришлось вести почти на всем протяжении его директорства. На первый взгляд, речь шла о чисто организационном вопросе – месте Палеонтологического института в структуре Академии. Но от его решения зависело, сохранится ли в нашей стране наука об истории жизни на Земле как фундаментальная дисциплина или же для нее останется лишь подсобная роль.

Исторически палеонтология, как и все другие области познания геологического прошлого, берет свое начало в геологии. Непосредственный предмет ее изучения – окаменелости – на первых порах почти не отделял ее от минералогии, о чем и сегодня напоминают нам экспозиции большинства геологических музеев, в основе своей состоящие как раз из этих двух разделов. Прогресс знаний об истории Земли сделал науку об ископаемых организмах важнейшим инструментом расшифровки геологической летописи в самых разных ее аспектах, будь то определение возраста осадочных пород, последовательность их накопления (стратиграфия), геологическое картирование, фациальный анализ, палеогеографические реконструкции и т. д.

Но в то же время объекты палеонтологии – это остатки некогда живых организмов, историческая смена которых подчинялась общим законам биологической эволюции. Уже одно это делает палеонтологию биологической наукой. Выдающийся русский палеонтолог А.П. Павлов называл ее «зоологией и ботаникой угасших форм жизни», но это определение все же далеко не полно. Трудно перечислить все те биологические проблемы, в исследовании которых палеонтологии принадлежит ныне одна из ведущих ролей, например – закономерности эволюции, видообразование или историческая зоогеография. И кроме того, как давно уже стало очевидным, именно от прогресса палеонтологии как фундаментальной биологической дисциплины зависит успех ее использования в геологических исследованиях.

Понимание этого и привело в свое время академика А.А. Борисяка к идее создания Палеонтологического института в составе Отделения биологических наук (ОБН) АН СССР на основе существовавшей тогда палеонтологической секции Геологического комитета. Этот замысел, осуществленный в 1930 г., был поддержан наиболее выдающимися нашими естествоиспытателями, далеко видевшими перспективы развития науки, – причем не только зоологами и ботаниками (А.Н. Северцов, М.А. Мензбир, В.Л. Комаров), но и геологами такого масштаба, как А.П. Карпинский, В.И. Вернадский и А.Е. Ферсман. Последующая история деятельности Палеонтологического института, его вклад в отечественное и мировое естествознание под руководством А.А. Борисяка, а затем Ю.А. Орлова, лишь подтвердили дальновидность этого решения. Однако события в истории организации нашей науки, и в частности такого учреждения, как Академия наук СССР, мягко говоря, далеко не всегда определялись логикой научных требований.

О том, как это происходило, дает представление «тематическая» папка с документами, подобранными Ю.А. Орловым, – свидетельство его многолетних попыток предотвратить передачу руководимого им института в Отделение геолого-географических наук (ОГГН). Это несомненно привело бы к разрушению института, ибо важнейшая (эволюционно-биологическая) часть его исследовательской про-

Академик Ю.А. Орлов, 1960-е гг.

граммы, относительно менее связанная с геологической практикой, была бы в таком случае либо упразднена, либо передана (вместе со специалистами) в другие учреждения. Подборка документов, о которой мы говорим, далеко не полна; многие события упомянуты в ней лишь косвенно. Но и того, что сохранилось, достаточно, чтобы представить, чего стоила Юрию Александровичу эта борьба. И сколь нелепой была сама ситуация, когда из года в год приходилось доказывать самоочевидное, не имея уверенности, что точка в этом вопросе будет вообще когда-либо поставлена.

Вот первый сигнал тревоги. Это написанное от руки письмо первого директора института А.А. Борисяка выдающемуся геологу Владимиру Афанасьевичу Обручеву, посланное из эвакуации в марте 1943 г. Поблагодарив адресата за поздравления в связи с высокой наградой (речь шла, очевидно, о Сталинской премии), Борисяк далее пишет: «Тем более тяжело мне было узнать из письма Ю.А. Орлова, что опять (подчеркнуто мною. – М.Ш.) поднимается во-

прос о переводе моего института в Геологическое отделение. Вся суть моего института в том, что в нем палеонтология строится как биологическая наука [...] Этим советская палеонтология поднята на большую теоретическую высоту – становится самостоятельной наукой и, таким образом, может не только гораздо лучше обслуживать стратиграфию (что уже доказано нашими работами), но и вносить свою лепту в разработку биологических проблем, т.е. давать максимум того, что может дать наша наука [...] В создании у нас палеонтологии как биологической науки, помоему, моя главная заслуга; в этом – задача моей жизни [...] Неужели же надо все поворачивать назад? Во всяком случае я не приму в этом участия. Вы всегда помогали нам в сохранении нашего лица. Надеюсь, и теперь Вы поддержите нас»¹.

События нескольких последующих лет не отражены в архиве Ю.А. Орлова. Но дальше становится ясно, что вместе с постом директора Палеонтологического института он унаследовал и главную тревогу его основателя. В конце лета 1949 г. вопрос о переводе института снова приобрел актуальность, и обеспокоенный Ю.А. Орлов просит поддержки у своих коллег – биологов и геологов.

Сохранилась копия одного из таких писем члену бюро ОБН академику Н.Н. Аничкову. Юрий Александрович сообщает ему о настойчивых требованиях «некоторых геологов отделения геологических наук» о переводе туда Палеонтологического института и добавляет: «При современном состоянии естествознания это означало бы скачок назад примерно на полстолетия [...] Переход [...] неизбежно оз-

¹ Здесь и далее цитируются ранее не публиковавшиеся документы из личного архива академика Ю.А. Орлова. Материалы были предоставлены автору статьи Н.П. Орловой, вдовой Ю.А. Орлова, в конце 1980-х гг.

начает быструю деградацию палеонтологии позвоночных и всей многообразной связанной с ней тематики, палеозоологии [...] и других разделов, развитие которых обеспечивалось именно пребыванием [института] в Отделении биологических наук». Н.Н. Аничков обещал свою поддержку. Коллеги Ю.А. Орлова из Зоологического института АН – его директор академик Е.К. Павловский и академик Л.С. Берг – направили письма в бюро ОБН в защиту позиции директора ПИН. Основные их доводы потом будут в числе других еще много раз повторяться в этой истории. Прежде всего подчеркивалось, что только в рамках биологии палеонтология является самостоятельной дисциплиной, способной к саморазвитию, тогда как для геологии она играет подсобную роль, такую же, как, скажем, математика для физики. Что же касается усиления палеонтологических исследований в системе Геолого-географического отделения, то для этой проблемы следует искать другое решение, нежели предлагаемый перевод института.

Откликнулись на обращение Юрия Александровича и видные геологи. Генеральный директор Геологической службы, член-корр. АН СССР Н.Н. Яковлев в своем ответном письме указал, что перевод Палеонтологического института в другое отделение скорее всего будет иметь пагубные последствия для его судьбы и для выполнения им той главной роли, ради которой он был создан – разработки вопросов эволюционной биологии. Параллельное существование палеонтологии в рамках геологической службы и независимых палеонтологических учреждений – это обычная практика в зарубежных странах, и такое положение дел совершенно естественно. Письмо заканчивается словами: «Геологический институт Академии наук СССР имеет в своем составе палеонтологов-стратиграфов и может увеличить их число, не зарывая на персонал других учреждений».

Откликнулся и академик Д.В. Наливкин. Он прямо предостерегал: «Что касается Палеонтологического института, то главная опасность – это если будет решение нового секретариата Академии и ЦК». Но в целом позиция академика была скорее оптимистической. По его мнению, во-первых, без согласия ОБН перевод не состоится; а во-вторых, в бюро Геолого-географического отделения вряд ли есть очень активные энтузиасты такого шага, да и М.И. Варенцов (тогдашний директор Геологического института АН) достаточно равнодушен к палеонтологии. Поэтому, заключал автор письма, «надеюсь, что и на этот раз, как говорят, «не в первый и не в последний», все кончится благополучно. Сейчас как будто острота вопроса затихает».

Действительно, на какое-то время опасность отдалилась. Но насколько серьезно она воспринималась Юрием Александровичем, видно еще из двух документов того же 1949 г. Один из них – составленная Орловым памятка из 12 пунктов «О положении Палеонтологического института в системе Академии наук СССР»; по-видимому, она была разослана тогда же авторитетным коллегам по Академии вместе с обращениями о поддержке. В ней кратко обрисовывались история и побудительные причины создания Палеонтологического института в системе ОБН, подчеркивалось, что его главная задача – развитие палеонтологии как биологической науки и что только такой подход смог обеспечить ее эффективное использование для целей стратиграфии. Перечислялись важнейшие направления работы института и основные аспекты их практического приложения. Два последних пункта памятки – отчетливо полемические. Их суть такова: как ни велико стратиграфическое значение палеонтологии, это не значит, что она должна быть поглощена стратиграфическим учреждением. Геология использует сегодня данные самых разных наук – от химии и физики до археологии, но это еще не повод включать их все в

ОГГН, ибо есть разница между их фундаментальными задачами и прикладным использованием.

Другой документ остался лишь в стадии проекта. Это – письмо научного коллектива ПИН тогдашнему президенту АН СССР академику С.И. Вавилову. Главная мысль в нем все та же: передача института в другое отделение – это путь к неизбежной деградации и гибели нашей палеонтологии как самостоятельной науки.

Передышка была недолгой. Где-то к началу 1952 г. вопрос о передаче Палеонтологического института в ОГГН снова встал на повестку дня. 15 января ученый совет института принимает резолюцию по этому поводу. В ней снова говорится о вредности такого шага и о том, что путь к успешному практическому внедрению достижений палеонтологии лежит только через ее развитие как самостоятельной биологической дисциплины. «Передача института», говорится в резолюции, приведет к подмене главных задач палеонтологии «узкохозяйственным развитием стратиграфических исследований и определительской работой».

Но, видимо, все это имело мало успеха. Уже в конце того же года Ю.А. Орлов вынужден был обратиться с письмом к заместителю академика-секретаря ОБН академику В.Н. Сукачеву, где сообщал, что извещен ученым секретарем Президиума АН СССР К.А. Власовым о предполагаемом переводе Палеонтологического института в ОГГН. Юрий Александрович просит, в случае рассмотрения этого вопроса в Президиуме АН или на одном из двух заинтересованных отделений, принять во внимание его возражения против такого шага. (Те из них, что обосновывают биологический статус палеонтологии как фундаментальной науки, читателю уже знакомы из сказанного выше.) Что касается связи с геологической практикой, то Орлов признает необходимость усиления палеонтологических исследований в ОГГН, а также в Министерстве геологии, но указывает, что для этого требуется совсем другое. Он напоминает, что еще до войны академики А.А. Борисяк и А.Д. Архангельский разработали проект создания палеонтологического сектора в Геолого-географическом отделении Академии. Для обеспечения нужд геологической практики надо идти именно этим путем, а не изымать палеонтологию из системы ОБН. С другой стороны, Палеонтологический институт осуществляет помощь народному хозяйству по многим направлениям, в основном по правительственным заданиям, таким, как палеонтологическое изучение Сибири, Туркменского канала и экспедиция в Монголии. Черновик письма заканчивался словами: «Очень прошу Вас не дать разрушиться в Отделении биологических наук полезному делу, на создание которого было положено столько трудов за 25 лет».

Но события развиваются, и уже в январе следующего, 1953 г. Орлов вынужден обратиться с письмами о поддержке к академику-секретарю своего отделения А.И. Опарину и его заместителю чл.-корр. А.Л. Курсанову. Подобные же письма были направлены и ряду членов бюро ОБН. Эти обращения почти одинаковы по содержанию, и в них уже чувствуется печать усталости от безнадежной борьбы с бессмыслицей. В них мы читаем: «В последнее время Отделение геолого-географических наук, и в частности Институт геологии [...] снова, повторно, не знаю, в который раз ставят вопрос о переводе Палеонтологического института...» А далее Ю.А. Орлову – тоже в который раз – приходится повторять все те же доводы, что уже приводились ранее в письме В.Н. Сукачеву. И снова напоминать, что крупнейшие достижения в руководимой им области науки – создание у нас в стране палеонтологии позвоночных, палеоэнтомологии и палеоэкологии (науки об условиях жизни древних организмов) – были бы невозможны вне рамок ОБН. Что только здесь возможно исследование на ископаемом материале важнейших для биологии

фундаментальных проблем, таких, как связь индивидуального и исторического развития организмов, функциональная морфология, палеобиология и т.д. Для любого профессионального палеонтолога это, казалось бы, очевидные вещи. Вот что пишет Орлов в этой связи: «Очень характерно, что наши научные друзья из ГИНа – В.И. Громов, В.В. Меннер, М.Ф. Нейбург, Д.М. Раузер-Черноусова (авторитетные палеонтологи. – *М.Ш.*), когда-то приглашавшие нас перейти в ОГГН, в настоящее время советуют ни в коем случае этого не делать, а остаться, в интересах палеонтологии, в Отделении биологических наук». В этих письмах Орлова нет уже какой-то конкретной просьбы к руководству ОБН, а просто говорится: «Так как для Вас многое ясно, то позволю себе отметить лишь следующее». И далее объясняется то, что уже столько раз объяснялось.

Несмотря на все эти усилия, 1953 год не принес ясности. Наоборот, тучи определенно сгущались. Об этом говорит факт обращения Ю.А. Орлова в ноябре уже к президенту Академии, академику А.Н. Несмеянову. Вот начало этого пространного письма:

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Не прекращающиеся со стороны дирекции Геологического института Академии наук СССР через Отделение геолого-географических наук требования о переводе Палеонтологического института АН СССР из Отделения биологических наук в Геолого-географическое побуждают меня просить Вас отнестись с величайшим вниманием и осторожностью к этому вопросу. Позволю себе указать на полную научно-организационную и методологическую неправильность такой «переброски» палеонтологии целиком в цикл геологических наук, ибо при современном состоянии естествознания недопустимо изучение науки о Жизни прошлого, об истории Жизни, по документам исторического характера – только при науках геологического цикла.

Ю.А. Орлов подробно объясняет в этом письме, как исторически сложилось отставание палеонтологии в геологических учреждениях страны. Он признает, что это положение нужно исправлять. Но не ценой изъятия палеонтологии из ОБН, так как только там она может заниматься своими непосредственными задачами. Если же определять положение институтов в системе Академии на основе «примата практики», то можно зайти очень далеко. Тогда Зоологический и Ботанический институты тоже следовало бы передать в ОГГН, ибо и в этом отделении есть зоология и ботаника, например в институтах географии и океанологии. И не следует ли тогда передать Институт математики в Отделение технических наук или же просто в машиностроительную промышленность? А если, например, Институт микробиологии АН решает вопросы, важные для медицины и сельского хозяйства, то значит ли это, что и его нужно куда-то переводить?

Эти вопросы к адресату и сам неровный стиль письма, с повторениями отдельных мыслей и выражений, выдают эмоциональное состояние, в котором писал Юрий Александрович. И под конец он позволяет себе такое признание: «Институт палеонтологии, несомненно, имеет много недостатков в работе, на которых и на причинах которых не останавливаюсь, ибо не в этом сейчас дело. Но один недостаток позволю себе отметить: главная вина института заключается в том, что он нашел себе [...] благоприятную почву в системе Отделения биологических наук и из маленькой [...] лаборатории [...] развился в институт, сделавший очень много для познания ископаемого органического мира СССР...» (Далее перечисляются главные научные разработки и результаты института.) Иными словами – пусть

Празднование 300-летия Лондонского Королевского общества. В центре академик Ю.А. Орлов, справа от него академик Н.Н. Семенов и академик К.И. Скрябин. Англия, 1960 г.

оппоненты в вопросе о переводе не прикрываются нуждами геологии; и так все понятно.

Ответ президента АН, пришедший в начале декабря, был благожелателен: «Могу Вам обещать, если такой вопрос возникнет, отнестись к нему со всей осторожностью и, разумеется, помимо Вас его не решать. Лично я склонен согласиться с Вашей точкой зрения». Тогда же, в декабре, Юрий Александрович направляет письмо и академику-секретарю ОГГН Д. И. Щербакову. По содержанию оно в основном повторяет письмо президенту, но составлено в более сдержанных «протокольных» выражениях. Ответ на него в бумагах Ю.А. Орлова не сохранился.

В том же году вопрос о судьбе Палеонтологического института рассматривался на заседании бюро ОБН с участием представителя ОГГН А.В. Пейве (в то время заместитель директора Геологического института). Итоговая формулировка решения, судя по ее изложению в одном из позднейших официальных писем Ю.А. Орлова, была пока что довольно осторожной. Бюро не нашло возможным решить вопрос о переводе ПИН в ОГГН на основе соображений, представленных этим отделением, и пришло к выводу о необходимости совместного рассмотрения вопроса, в случае его дальнейшего возникновения, при участии двух бюро, а не односторонне (т.е. только в ОГГН). Для Палеонтологического института это была определенная передышка, но не более того.

Это вскоре подтвердил новый, 1954 год. Ю.А. Орлову снова нужна поддержка среди членов Академии. В январе он получил ее от академика Д.В. Наливкина в ви-

де обращения к Всесоюзному палеонтологическому совещанию, собравшемуся в это время. Но уже в мае Юрию Александровичу снова приходится бить тревогу и апеллировать одновременно к ОБН, его секретарю и членам бюро. Причина такого шага указана в этих обращениях. Вот она:

Мне стало известно, что, в связи с решением вышестоящих органов об оказании Академией наук содействия советской геологии по определенным разделам, из Президиума АН СССР в Отделение геолого-географических наук направлен проект решения Президиума, предусматривающий, между прочим, и перевод Палеонтологического института в Отделение геолого-географических наук.

Таким оказался итог всех предыдущих усилий. Все надо было начинать сначала. На сей раз директор Палеонтологического института не пробует подробно аргументировать свою позицию (адресаты и так ее знают) и лишь считает своим долгом напомнить, что механический перенос биологической дисциплины в «разряд» геологических наук глубоко ошибочен и будет иметь вполне предсказуемые последствия. И, пожалуй, стало чуть меньше сдержанности по отношению к противоположной стороне в этом конфликте. По словам Ю.А. Орлова, он представляет себе трудность положения с палеонтологией в ОГГН, «запустившем у себя эту науку по разным стечением обстоятельств». Но то, что предлагается – это не выход.

Развитие событий в 1955 г. отражено в архиве Орлова лишь одним красноречивым документом – проектом постановления Президиума Академии наук от 1 апреля. В нем на основании доклада академика-секретаря ОГГН Д.И. Щербакова критически оценивается работа бюро этого отделения и отмечается отставание ряда направлений, в частности исследований по стратиграфии, в которых нет «общей принципиальной направленности». «Между тем стратиграфические задачи решаются несколькими институтами (Институт геологических наук, Палеонтологический институт, Институт нефти и др.), входящими в состав трех отделений...» А в постановляющей части проекта, включающей много организационных изменений, пункт 4-й гласит: «Перевести Палеонтологический институт АН СССР из состава Отделения биологических наук в состав Отделения геолого-географических наук».

Этот проект не был реализован; но уже в следующем году все повторилось сначала. Как мы узнаем из очередного письма Ю.А. Орлова президенту А.Н. Несмеянову, 5 мая 1956 г. актив ОГГН снова принял проект постановления Президиума АН о переводе Палеонтологического института в ОГГН, – хотя ряд ведущих геологов, включая академиков Н.М. Страхова и А.Г. Григорьева, высказались против. Одна из мотивировок в пользу перевода, высказанная при обсуждении заместителем академика-секретаря ОГГН проф. Г.В. Богомоловым, состояла в том, что при существующем положении «ОГГН не имеет возможности влиять на работу (! – М.Ш.) Палеонтологического института». На протестующем письме Орлова президент наложил резолюцию: «Я придерживаюсь, как Вам неоднократно говорил, той же точки зрения, что и Вы».

Еще один протест директора ПИН был направлен академику-секретарю ОБН В.А. Энгельгардту. Он заканчивался словами: «Прошу ОБН и Вас лично о предотвращении механической переброски Палеонтологического института в ОГГН, где давным-давно было бы пора самому ОГГН озаботиться о развитии необходимых для ОГГН работ и кадров в области палеонтологии».

В итоге обошлось и на этот раз. Следующий и последний при жизни Ю.А. Орлова этап активного противостояния начался в 1959 г. Идея включения Палеонтологического института в состав ОГГН обсуждается вновь. Об этом Орлов сообщает

в письме директору Института ГЕОХИ им. В.И. Вернадского академику А.П. Виноградову. Суть его просьбы следующая: «...Пишу Вам об этом в надежде, что в случае обсуждения вопроса в Вашем присутствии Вы найдете возможным сказать несколько слов за «не выкорчевывание» палеонтологии из цикла биологических наук». Ибо палеонтология, пишет далее Орлов, давно уже перестала быть только «служанкой геологии» и во всех передовых странах существует как в биологических, так и геологических учреждениях, но с разной направленностью. Автор письма приводит наглядную аналогию: «Никому не приходит в голову «вернуть» сравнительную эмбриологию, сравнительную анатомию, общую физиологию и т.п. в анатомию человека XVIII века, из которой развились эти науки».

И опять приходится обращаться к президенту А.Н. Несмеянову – на этот раз уже с подробным меморандумом на 9 страницах машинописи: «К вопросу о положении Палеонтологического института в системе АН СССР» – хотя, казалось бы, все уже столько раз было объяснено! Директор ПИН снова напоминает: что исторические корни палеонтологии и ее сегодняшние задачи – это не одно и то же; что от биологической разработанности этой дисциплины зависит успех ее прикладного использования; что многие крупнейшие отечественные ученые уже возражали против изъятия палеонтологии из круга биологических наук в Академии; что ряд наиболее успешных направлений в работе ПИН, составляющих его гордость, – палеонтология позвоночных, палеоэнтомология и палеоэкология, – не смогут сохраниться вне Биологического отделения. Здесь Орлов предлагает необходимые меры по дальнейшему развитию палеонтологии в СССР: создание Номенклатурного комитета и постоянной комиссии по терминологии, палеонтологического сектора в Геологическом институте или при ОГГН, и, наконец, создание современного Палеонтологического музея, всесторонне освещающего историю жизни минувших эпох.

Понятно, что Ю.А. Орлову не было нужды снова убеждать А.Н. Несмеянова в своей правоте. Ведь тот и так соглашался с ним. Стиль этого меморандума, отличный от предыдущих, более доверительных, писем к президенту АН, говорит о том, что это скорее был документ для высоких инстанций. Ведь президент Академии был не всесилен. Об этом сразу же напоминает нам адрес другого письма Юрия Александровича, составленного в том же году: Москва, ЦК КПСС, В.А. Кириллину (тогдашнему заведомому науки ЦК). Это письмо – в основном сокращенная версия предыдущего документа. Начало его очень существенно для понимания того, каким был в то время на практике механизм принятия ключевых организационных решений по Академии. Ю.А. Орлов пишет:

В связи с обращением к Вам нескольких геологов – академиков с представителями Министерства геологии и охраны недр по вопросу о передаче Палеонтологического института в ОГГН для создания Института палеонтологии и стратиграфии, считаю необходимым сообщить...

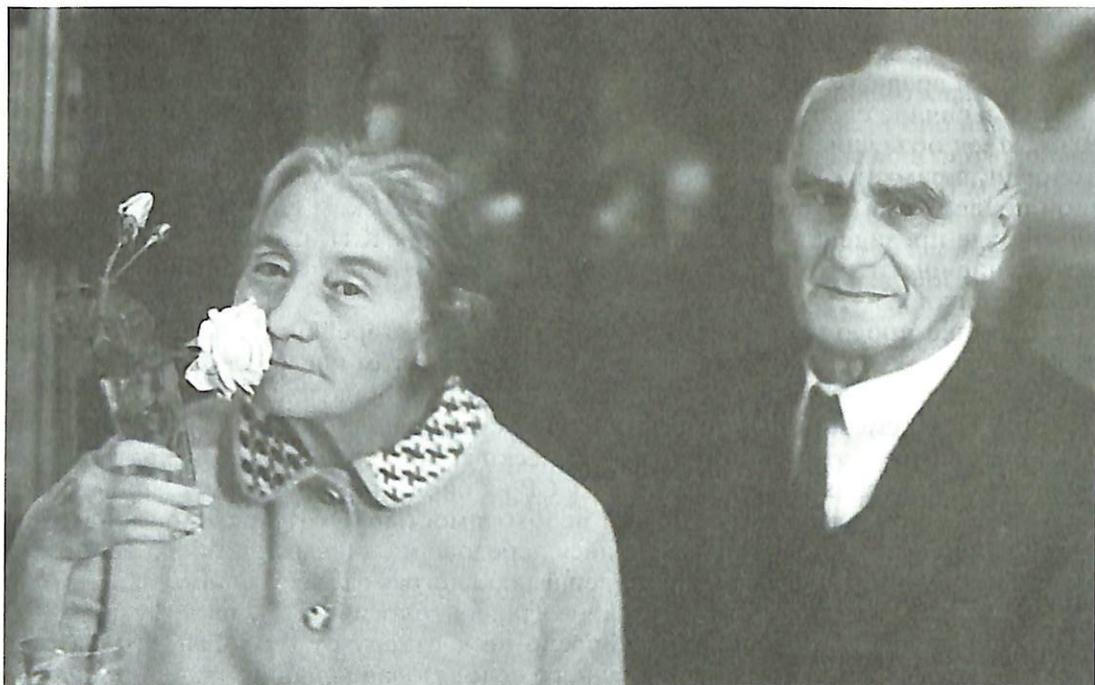
К письму, вместе с другими документами, прилагалась и записка «О положении стратиграфических работ в ОГГН АН СССР», составленная Ю.А. Орловым вместе с проф. В.В. Меннером (Геологический институт АН СССР) в 1959 г. по поручению комиссии Президиума АН, обследовавшей ОГГН. В записке суммировались нужды отделения в кадрах и оборудовании, обуславливающие отставание стратиграфических и палеонтологических исследований. Одновременно подчеркивалось, что для эффективной работы в стране «палеонтологической службы» было бы неправильно концентрировать всех палеонтологов Академии наук только в одном учреждении или отделении.

В конце года ученый совет ПИН единогласно принял очередное решение по поводу попыток перевода института в ОГГН, указав, что такой шаг был бы «неправильным и вредным для дальнейшего развития советской палеонтологии».

Но и в начале следующего, 1960 г. положение все еще оставалось неопределенным. Идея объединения всех связанных с геологией наук, в том числе и палеонтологии, в рамках одного отделения Академии по-прежнему пользовалась большой поддержкой. Это нашло отражение на февральском Общем собрании Академии, где президент АН Казахской ССР академик К.И. Сатпаев назвал рассредоточение институтов такого профиля по разным отделениям «организационной неразберихой».

Полемика продолжалась. В нее включился ряд старейших и наиболее авторитетных ученых Палеонтологического института, в том числе основатель отечественной палеоэкологии проф. Р.Ф. Геккер, который обратился с письмом к президенту А.Н. Несмеянову. В тезисной форме суть письма сводилась к следующему. Палеонтология – это биология геологического прошлого, и потому организация палеонтологических исследований в СССР на биологической основе, проведенная А.А. Борисяком, была объективной необходимостью. Этот подход к пониманию задач палеонтологии, высказывавшийся передовыми учеными и много ранее, был воспринят самим Борисяком через идеи выдающегося отечественного палеонтолога XIX в. В.О. Ковалевского. Создание Палеонтологического института в ОБН, как и предвидел его основатель, привело не к отходу от геологии, а, наоборот, к увеличению возможностей прикладного использования наших знаний об ископаемых организмах. Пример тому – постановка впервые в нашей стране широких исследований по ископаемым позвоночным и насекомым, что позволило поставить эти группы на службу биостратиграфии континентальных отложений. Кроме того, детальные таксономические, филогенетические и палеоэкологические исследования, выполняемые на биологической основе, сами по себе приводят к выводам геологического характера, прежде всего касающимся стратиграфии и условий древней седиментации. Стремиться к сосредоточению всей биостратиграфии в СССР в рамках Геологического института АН совершенно нереально – ни сейчас, ни в будущем. Эта работа всегда будет вестись в стране армией специалистов из множества ведомств, и согласование ее результатов осуществляется Межведомственным стратиграфическим комитетом. От ГИНа же как академического учреждения требуется прежде всего разработка теории и методологии стратиграфических исследований. Общая тенденция в науке заключается в дифференцировании и организационном разделении дисциплин, некогда вышедших из общего источника. Поэтому нет оснований и для объединения в одном учреждении Академии наук всех палеонтологов, работающих в русле разных исследовательских задач. Перевод Палеонтологического института в ОГГН был бы шагом назад и нанес бы большой ущерб. Если же решение какой-то проблемы требует объединенной работы ряда институтов, то ее координация вполне возможна и без их сосредоточения в одном отделении Академии.

С письмом к А.Н. Несмеянову обратился и проф. И.А. Ефремов, основатель науки о законах захоронения древних организмов (тафономии), крупнейший специалист по ископаемым низшим четвероногим, один из первых в нашей стране использовавший данные по позвоночным для стратификации древних континентальных отложений. Его видение будущих перспектив Палеонтологического института было неординарным. Те, кто знал Ивана Антоновича, помнят о качественном разделении им палеонтологии позвоночных и беспозвоночных животных и о весь-

Ю.А. Орлов с женой Натальей Павловной Орловой. Сентябрь, 1966 г.

ма скептическом его отношении к возможностям второго из этих направлений для проведения фундаментальных исследований. По его убеждению, именно изучение позвоночных (а также насекомых) как сложных организмов с наиболее информативными ископаемыми остатками составляет основу для развития палеонтологии как самостоятельной науки; остальные же животные группы – это «преимущественно индикаторы геологического возраста и условий отложения осадков», и соответственно они «в гораздо меньшей степени могут служить объектами биологического исследования высокого класса». Иными словами, их изучение имеет в основном лишь прикладное значение. По мере развития палеонтологии как биологической науки это несоответствие задач двух направлений будет, по мнению И.А. Ефремова, все более выявляться. Поэтому необходимо разделение Палеонтологического института. Биологическое направление его исследований, имеющее своей базой Палеонтологический музей, должно остаться в ОБН в качестве самостоятельного института. Его нельзя передать ни в ОГГН (там оно погибнет, «несмотря ни на какие заверения»), ни в какой-либо из биологических институтов (там нет ни материальной, ни методологической базы для таких исследований). Палеонтологию же беспозвоночных, т.е. «геологическое направление», следует передать в ОГГН, где на базе Геологического института можно было бы создать Институт геологии, палеонтологии и стратиграфии.

Реакцией на это письмо со стороны президента АН СССР было направление его копий трем должностным лицам Академии – директору ПИН Ю.А. Орлову, академику-секретарю ОГГН Д.И. Щербакову и и.о. академика-секретаря ОБН Н.М. Сисакиану с резолюцией: «Прошу рассмотреть с привлечением специалистов-палеонтологов и дать предложения».

Ответ Орлова был довольно краток. Полемики с Ефремовым в нем практически нет. Он лишь отводит упреки, что стремление сохранить структуру института объясняется консерватизмом его директора. В остальном же Юрий Александрович, наоборот, подчеркивает то, в чем он согласен с оппонентом: убеждение в неправомерности изъятия палеонтологии из сферы деятельности ОБН и в том, что за пределами этого отделения исследования по палеонтологии позвоночных и другой биологизированной проблематике не смогут существовать. Что касается необходимости усиления стратиграфически ориентированных исследований по палеонтологии в ОГГН, то с этим давно все согласны, и он как директор не будет возражать в случае желанного со стороны сотрудников Палеонтологического института перейти туда на работу. Но все это должно происходить «без закрытия организационных основ палеозоологии в Отделении биологических наук».

Со своей стороны, чл.-корр. Н.М. Сисакян возложил полученное им от президента задание на члена бюро ОБН, выдающегося ботаника, специалиста по биоэкологии растительных сообществ академика В.Н. Сукачева. Как мы узнаем из письма Орлова, ему «поручалось рассмотреть в небольшой коллегии палеонтологов, с привлечением Д.И. Щербакова и И.А. Ефремова, некоторые вопросы, связанные с Палеонтологическим институтом и его положением в Академии Наук». Выбор специалистов-палеонтологов для комиссии был предоставлен Орлову, который предложил своих сотрудников проф. К.К. Флерова (заведующего музеем), проф. Т.Г. Сарычеву, д-ра биол. наук В.Н. Шиманского и сотрудника Геологического института проф. В.В. Меннера.

Комиссия под председательством В.Н. Сукачева собралась 11 марта 1960 г. Как видно из ее отчета, направленного Сисакяну, Д.И. Щербаков и И.А. Ефремов (находившийся на инвалидности) не участвовали в ее заседании. Комиссия пришла к единодушным выводам. Она констатировала, что основной задачей палеонтологии является разработка биологических проблем и что именно это обеспечивает возможность ее полноценного использования в геологии. Этим же определяется и естественное место Палеонтологического института в системе Отделения биологических наук АН СССР. Отмечалось, что в работах института находит отражение как биологическая, так и геологическая проблематика и что необходимо усиление научных контактов ПИН с учреждениями ОБН и ОГГН, включая постановку совместных исследований. В заключение говорилось о необходимости дальнейшего развития института и в первую очередь создания при нем большого Палеонтологического музея.

На этих документах заканчивается содержание папки из архива Ю.А. Орлова, отражающей основные вехи его борьбы за сохранение Палеонтологического института в том качестве, в каком он был задуман его основателем. Кампания по переводу института постепенно затихла, и в последние пять лет жизни его директор смог наконец освободиться от постоянной необходимости отводить нависшую опасность. Легко понять, как много душевных и физических сил было затрачено на эту борьбу.

Две вещи бросаются в глаза при чтении этих документов. Об одной из них уже выше упоминалось – это какая-то невероятная абсурдность происходящего. Директор института возражает против ошибочного организационного решения и раз за разом приводит самые очевидные и бесспорные доводы против этого. Его поддерживают ведущие авторитеты в отечественной палеонтологии. Вышестоящие лица в Академии, вплоть до ее президента, будучи достаточно разумными администраторами и крупными учеными, также с ним соглашались. Казалось бы, остается

лишь отказаться от предлагаемого бессмысленного шага раз и навсегда. Но, вопреки всему, он снова и снова выдвигается на повестку дня с кошмарной неотвратимостью, заставляющей вспомнить «Процесс» Франца Кафки.

И второе, что надо отметить, – язык этих документов, в большинстве своем представляющих письма ученых друг к другу, пусть даже вполне официальные и написанные людьми, занимающими в Академии высокие должностные посты. Поражает отсутствие в нем примет времени, столь характерных для языка официальной науки тех лет, более всего памятного нам по периодической печати. Если где и промелькнет здесь изредка «мичуринская биология» или «материалистическое мировоззрение», то скорее в коллективных постановлениях ПИН (где обойтись без этого было просто немислимо), но не в личных посланиях. По своей лексике эти письма могли бы быть написаны сегодня. И в этом еще одна характерная черта той недавней действительности – ее раздвоенность, необходимость для любого человека существовать одновременно в двух измерениях, каждое из которых требовало в повседневной жизни своего языка.

Вспоминая обо всем этом, трудно отделаться от мысли, что в своей нынешней организационной жизни Российская академия наук пока еще не слишком далеко ушла от своей общесоюзной предшественницы. Независимость ученого, возможность демократического принятия важных решений и подлинного участия в них всех заинтересованных сторон – все это нередко еще остается скорее в области желаемого. Между тем такие перемены важны не только для рядовых научных работников. Ведь возможности административного произвола часто непредсказуемы. Описанная нами история борьбы директора Палеонтологического института с иррациональным бюрократическим фантомом, готовым бессмысленно поглотить жизнеспособную научную структуру, – наглядное тому подтверждение.

В.А. ГУРКИН

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ ГЛАЗАМИ КАРТОГРАФОВ XVII–XVIII вв.

История русской колонизации Среднего Поволжья вплоть до настоящего времени сохранила множество «белых пятен». Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, огромное количество древних документов погибло при пожаре бывшего Приказа Казанского дворца в начале XVIII в. Во-вторых, академическая наука XVIII–XIX вв. в первую очередь исследовала территории, вновь присоединенные к растущей Российской империи, тогда как внутренние районы изучали преимущественно региональные научные сообщества и различные государственные ведомства: с 30-х гг. XIX в. этим стали заниматься губернские статистические комитеты, с 1845 г. подключились Русское географическое общество и его члены на местах, с 1884 г. начали действовать губернские ученые архивные комиссии, затем краеведческие и естественно-исторические музеи и местные научные общества по изучению того или иного края. В результате такого «плюрализма» подходов источники по истории освоения многих российских регионов оказались рассеянными по центральному и провинциальным архивохранилищам, где сосредоточены в самых разнообразных фондах – как государственных и общественных учреждений, так и частных лиц.

Среди прочих исторических документов старые карты имеют особую значимость, поскольку способны пролить свет на такие вопросы, которые невозможно решить лишь на основе текстовых описаний. Однако при работе с картографическими архивными материалами перед исследователями возникает ряд дополнительных сложностей, одной из которых является преувеличенная забота чиновников о сохранении «государственной безопасности», зачастую выходящая за рамки здравого смысла.

Так, например, по причине «секретности» долгие годы были закрыты для свободного доступа крупномасштабные топографические карты XIX – начала XX вв. в фондах многих региональных архивов. Только после прямого обращения к руководству Росархива в 2001 г. нам удалось добиться разрешения на рассекречивание целого фонда картографических материалов XVIII – начала XX вв., включающего в себя 256 единиц хранения, в Государственном архиве Ульяновской области (фонд 933). Судя по описи, все материалы фонда оказались засекреченными 30 мая 1963 г.¹ Трудно объяснить логику людей, переводивших весь этот фонд на секретное хранение, поскольку недоступными для большинства читателей на долгие годы оказались такие материалы, которые, с точки зрения здравого смысла, никак не могли представлять угрозы для безопасности СССР. Например, оказались засе-

---

¹ Эта акция с разной степенью добросовестности осуществлялась по всем архивам страны в соответствии с приказом по Главному архивному управлению СССР № 2с от 06.04.1963 г. «О засекречивании всех оставшихся несекретных материалов».